

*Изящная
словесность*

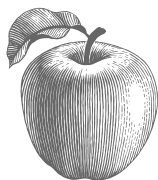
*Книги Анны Берсеновой –
истории сильных чувств:*

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»	«ТРИ ДОЧЕРИ»
Последняя Ева	Ответный
Возраст третьей любви	темперамент
Неравный брак	Игры сердца
Ловец мелкого жемчуга	Французская жена
Первый, случайный, единственный	Странная Лиза
	Портрет второй жены
	Стильная жизнь
СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»	Двое в Барселоне
Слабости сильной женщины	Гадание при свечах
Ревнивая печаль	Все страсти мегаполиса
	Женщина
	из шелкового мира
	Рената Флори
СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»	Глашенька
Яблоки из чужого рая	Вангелия
Антистерва	Женщины да Винчи
Мурка, Маруся Климова	Вокзал Виктория
	Героиня второго плана
«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»	Лучшие годы Риты
Уроки зависти	Созвездие Стрельца
Опыт нелюбви	Австрийские фрукты
Этюды Черни	Ангел-хранитель
«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»	
Звезда по имени Эстер	
Красавица некстати	
Азарт среднего возраста	

анна берсенева

ЯБЛОКИ ИЗ ЧУЖОГО РАЯ

роман

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Берсенева, Анна.
Б51 Яблоки из чужого рая : роман / Анна Берсенева. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-04-091832-4

И рай может показаться адом, если этот рай — чужой и ты лишь со стороны любишь яблоками на его деревьях... Так встречает свой сорокалетний юбилей Анна Ермолова. Внешне все у нее благополучно. На деле — проблема многих женщин, которых называют «жертвами раннего брака»: у мужа — еще одна семья, и в ней растет дочь... Что лучше — продолжать жить с ним под одной крышей или остаться в одиночестве? Ответ на этот вопрос Анна находит, исследуя историю семьи Ермоловых. Ключ к разгадке — в дневнике женщины, которая много лет назад жила в их квартире...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091832-4

© Сотникова Т. А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ЧАСТЬ I

Глава 1

Глупость, приснившаяся в ночь накануне дня рождения, почему-то кажется обидной. Особенно если она снится под утро, уже на самой грани пробуждения, и запоминается поэтому во всех своих бессмысленных подробностях.

Анне приснилось, будто она заходит в магазин, который называется «Мандарин», и покупает полотняную, невнятного цвета и к тому же бестолково маленькую сумочку, в которую даже пудреница поместится с трудом. Платит в кассу синие советские двадцать пять рублей и получает сдачу какими-то странными купюрами. На одной из них стоит номинал — сто тринадцать, и эта подробность, вовсе уж идиотская, тоже неизвестно зачем запоминается. Из «Мандарина» она переходит в кондитерскую и долго, как никогда этого не делала наяву, выбирает пирожное. Пирожные все очень мелкие и очень дорогие, и это страшно ее угнетает, хотя ни разу в жизни ей не приходило в голову расстраиваться по такому ничтожному поводу. Потом она замечает в очереди знакомого и долго советуется с ним — все о том же, о выборе пирожного. А потом наконец покупает самое крупное, покрытое толстыми червяками разноцветного крема. Наяву она вздрогнула бы, только

увидев такой крем, а уж съесть его ей и в голову не пришло бы. Но во сне она покупает это кошмарное пирожное, успевает заметить, что оно называется «Доппель-дойч»... И наконец просыпается.

Анна проснулась и сразу вспомнила, что ей исполнилось сорок лет. Она родилась рано утром, в шесть часов, а сейчас стеклянный потолок ее спальни светится тусклым ноябрьским светом, и это значит, что уже гораздо больше, чем шесть утра, и день ее рождения уже наступил.

Вот тут-то ей и стало обидно, что приснилась такая огромная глупость, к тому же состоящая из множества мелких, ничтожных глупостей. Как будто жизнь напомнила: все самое яркое, сильное, освещенное глубоким и неназываемым смыслом уже кончилось, и теперь будут только мелочи, ничего не значащие подробности.

Анна никогда не переживала из-за того, что годы идут и уходят. Да она и вообще не считала, будто они уходят. Просто ее жизнь время от времени вступала в какие-то новые состояния, и каждое из них было не лучше и не хуже предыдущего — оно просто было не такое, оно было новое. Потому она и воспринимала свой возраст без отчаяния, из-за чего одни знакомые ей завидовали, а другие думали, что она притворяется.

Но при этом она не умела прогонять от себя неприятные мысли, и знаменитая формула: «Я подумаю об этом завтра» — не казалась ей спасительной. Поэтому из-за дурацкого сна настроение у нее сразу испортилось так, что даже вставать расхотелось.

Она повернула круглую ручку над кроватью, шторы на окнах всколыхнулись, словно вздохнули, и раздвинулись, впуская в комнату еще больше света. Собст-

венно, шторы были даже не на окнах, а на стенах, потому что от стен спальни после произведенной десять лет назад реконструкции остались только угловые опоры, а все остальное, снизу доверху, стало стеклянным, прозрачным и, освобождаясь от штор, создавало ни с чем не сравнимое ощущение: как будто ты просыпаешься так высоко, что над тобою ничего, кроме неба, и вокруг тебя ничего, кроме просторных, как поля, зеленых крыш старого Центра.

Крыши были видны далеко и во все стороны, потому что прозрачную спальню переделали из странной, неизвестного назначения «коробочки», которая торчала на крыше прямо над потолком квартиры. А дом был высокий, выше большинства окрестных домов, вот из спальни и видно было далеко вокруг.

Анна и теперь не могла привыкнуть ко всему этому, а прежде у нее и вовсе дух захватывало от такой запредельной картины. Они с Сергеем даже специально раздвигали все шторы ночью и, не включая свет, сидели на своей широкой, в темноте казавшейся жемчужной, постели и смотрели на звезды, которые светились как будто бы не только над головой, но и вокруг, и под ногами — везде. В те дни Анна как раз перечитывала антологию английской поэзии — редчайшую редкость, каким-то чудом изданную в Ленинграде в тридцать седьмом году, — а в этой книге были стихи Браунинга: «И мы сидели, я и ты, всю ночь, не двигаясь, и Бог ни слова нам сказать не мог...» И она вспоминала эти стихи такими вот ночами, потому что они существовали в мире совершенно отдельно и ни от чего не зависели.

Правда, это было очень давно, в прошлом состоянии жизни. Даже в позапрошлом.

Но и теперь Анне нравилась ее спальня — прозрачная, светлая в любую погоду, вся, от ковра до лампы у кровати, переливающаяся неувлимым множеством пастельных тонов. Поэтому она всегда начинала день с того, что раздвигала шторы и хотя бы несколько минут лежала, пропитываясь светом и воздушным городским простором. Потом задергивала шторы и вставала, зная, что теперь день будет совсем другим, чем был бы, если бы она вскочила в утреннем мраке, непонятно куда торопясь.

Она только в последние десять лет, когда совершенно отпала необходимость рано вставать, поняла, что является абсолютной, бесповоротной совой, которой противопоказан режим жаворонка, даже при катастрофической нехватке времени. Впрочем, ничто и не нарушало теперь ее режим, и времени ей хватало на все.

Телефон зазвонил, когда, уже спустившись из спальни вниз и приняв душ, она пила на кухне кофе, курила и одновременно сушила волосы широким махровым полотенцем.

— Маманька! — Матвей заорал так громко, что Анна засмеялась, покрутила головой и почесала ухо. — Да ты у меня уже совсем старушка! Поздравляю, — радостно добавил он.

— Пока ребенок у меня такой глупый, как будто ему пять лет, — сказала Анна, — я могу считать себя молодой. Матюшка, ну кто тебя научил так поздравлять женщин?

Она всегда улыбалась, когда разговаривала с сыном по телефону. Лицом к лицу-то его приходилось время от времени воспитывать, и вид для этого требовался соответствующий, но по телефону ведь незаметно.

— Каких еще женщин? — хмыкнул он. — Я только тебя в индивидуальном порядке поздравляю. А остальных оптом с Восьмым марта.

Тут Анна не выдержала и засмеялась, потому что представила, какое количество женщин приходится поздравлять ее сыну каждую весну. И правда, оптовая акция! Хорошего, конечно, мало, но Матвей сообщает об этом так, что только столб не засмеялся бы.

— Раста большая, мамуля, — сказал он. — И такая же юная и прекрасная, как всегда.

— Подлиза! — ответила Анна.

Все-таки Матюшины слова ее растрогали, хотя вообще-то ее не очень беспокоило, юная она или не очень, а уж тем более — прекрасная или обыкновенная. Но в его голосе слышались такие живые и ласковые ноты, что любая женщина растрогалась бы. Неудивительно, что они ходят за ним как замороженные, эти его «любые женщины»!

— Почему это я подлиза? — удивился Матвей. — Подлизам чего-нибудь от подлизываемого нужно, а мне от тебя ничего не нужно, кроме факта твоего существования.

— Ладно-ладно, — улыбнулась Анна. — Отвезешь меня сегодня?

— Куда? — не понял он и тут же вспомнил: — Ой, елки, а я же...

— Если не можешь, то необязательно, — поспешила сказать она. — Я водителя вызову.

— Да ладно! — Анне показалось, что она видит, как ее сын великодушно машет рукой. — Что я, депутата сраного ради мамульки на пару часов не брошу?

— Матвей! — рассердилась Анна. — Сколько раз я тебя просила?

— Ну не буду, не буду, — весело сказал он. — Не сраного, а говенного, если тебе так больше нравится.

— Мне вообще все это не нравится, ты же знаешь, — вздохнула Анна.

— Во сколько за тобой заехать? — спросил Матвей. — Отец звонил?

— В два часа. Не звонил.

— Ну, значит, сейчас позвонит, — сказал Матвей. — В четырнадцать ноль-ноль я как штык у подъезда, перезванивать не буду, можешь прямо сразу спускаться. Или нет, чего это я говорю? Не спускайся — я поднимусь. Пока, мам.

Телефон зазвонил сразу же, как только Анна положила трубку.

— Доброе утро, Аня, — сказал Сергей. — С днем рождения. Не разбудил?

— Здравствуй, Сережа. Спасибо. Не разбудил, — ответила она.

Он помолчал немного, потом сказал:

— Извини, что не наяву поздравляю. Я в Лондоне, в аэропорту. У нас туман. Но обещают к вечеру выпустить. Так что, может быть, еще и наяву успею.

— Вряд ли успеешь, Сережа, — ответила она. — Я ведь тоже сегодня улетаю. В Италию. В два часа Матюшка за мной заедет. Обещал, во всяком случае.

Анна повесила полотенце на вытянутую шею раскрашенной утки. Утка стояла на подоконнике и искоса поглядывала с таким любопытством, как будто глаза у нее были живые, а не деревянные. Анна смотрела утке в глаза и слушала, как Сергей молчит в телефонной трубке. Зря он сказал, что сидит в лондонском аэропорту. Она уже приучила себя не думать о том, где он

и когда приедет, и ей стало гораздо легче жить, как только она себя к этому приучила.

— Тогда счастливо тебе. — Голос у него был спокойный, как всегда. — Надолго ты в Италию?

— Не знаю, как получится. Я должна виллы Палладио посмотреть, а их много, так что неизвестно, как с хозяевами договорюсь. И от фотографа будет зависеть — их ведь еще и отснять надо.

Сергей простился. Анна положила трубку и смела со стола длинный столбик пепла, который незаметно упал мимо пепельницы, пока она разговаривала с мужем.

Надо было одеться, причесаться и зайти в редакцию, потому что там ее, конечно, хотят поздравить и было бы свинством не просоответствовать. Благо теперь это нетрудно: у плиты ночь напролет стоять не надо.

Она достала из холодильника черную и красную икру, салаты, разложенные во множество крошечных корзиночек из песочного теста, тарелки с рыбой и мясом, нарезанные замысловатыми фигурками овощи и поставила все это на сервировочный столик, который из-за высоких колес напоминал телегу. Когда-то Анна сама делала корзиночки для салатов по рецепту, которому ее научила майорша Тамара Григорьевна, соседка по белорусскому гарнизону: жарила тоненькие блины, оборачивала ими перевернутые вверх дном майонезные баночки, ставила в духовку, чтобы блины подсушились до состояния твердых формочек... Теперь она просто не представляла, что стала бы делать, если бы пришлось выстрипывать что-нибудь подобное ради собственного дня рождения. Она вообще хотя и не разучилась, но совершенно разлюбила готовить и не ви-

дела причин снова влюбляться в это занятие. А корзиночки, как и салаты, продавались готовыми в любом супермаркете, и все можно было заказать на дом, что Анна вчера и сделала.

Вино, фрукты и птифуры на столик не поместились, но это ничего — идти ведь недалеко.

Оделась она тоже быстро. Да и вообще, оделась — это было громко сказано. Анна всей душой приветствовала минималистскую моду последних двух-трех лет: когда стало хорошим тоном выглядеть просто и даже дорогие вещи «на выход» стали напоминать те, в которых она студенткой бегала на лекции, — простые прямые юбки с едва проступающим на ткани узором, крупной вязки неброские свитерочки... Конечно, вся эта нынешняя неброскость, в отличие от тогдашней, стоила денег, и немалых, но с деньгами-то у нее проблем теперь не было, а вот необходимость долго и тщательно выбирать одежду была бы проблемой, потому что такой выбор должен быть потребностью и даже страстью, а ей об этом и подумать было теперь смешно.

Поэтому она оделась за пять минут — в черное до колен платье, о котором сразу, когда увидела его в маленьком венском магазинчике на Кернтнерштрассе, поняла только то, что его простые линии повторяют линии ее фигуры, но при этом, повторяя, каким-то неведомым и незаметным образом делают их совершеннее.

Примерно столько же времени она потратила на прическу и макияж — чуть-чуть ресницы, чтобы выглядели потемнее; чуть-чуть веки, чтобы казалось, будто серые глаза по-прежнему светятся и этот свет выплескивается из них; едва заметный блеск на губы, чтобы они сияли хотя бы так же, как лет десять назад; совсем не-

заметный лак на волосы, чтобы не разлетались, а сохраняли форму прически, тоже, впрочем, почти незаметную... И все, элегантная женщина готова к появлению среди своих сотрудников в день своего сорокалетия.

Медная кукушка в шварцвальдских часах прокуковала двенадцать раз. В такое время Анна всегда появлялась в редакции, поэтому предупреждать о своем приходе не было необходимости. Она постучала в дверь между кухонным буфетом и холодильником, повернула торчащий в замочной скважине ключ и, катя перед собой уставленный закусками столик, вошла во вторую половину кухни — уже в редакционную.

Глава 2

— Многая лета, многая лета, мно-огая ле-ета! — встретил Анну нестройный хор.

— С днем рождения, Анна Александровна, — добавил Павлик.

Слух у него отсутствовал напрочь, поэтому он не участвовал в женском хоре. Точнее, в трио.

— С днем рождения, Анечка! — Валентина Андреевна на правах старшей и старейшей звонко чмокнула Анну и тут же погладила ее щеку пальцем, оттирая пятно ярко-алой помады. — Ничего, что поздравляем?

— Почему — ничего? — удивилась Анна. — Спасибо, что поздравляете.

— Ну и умница, — кивнула Валентина. — А то сейчас неизвестно откуда мода взялась, что, мол, с сорокалетием нельзя поздравлять.

— Это мужчин нельзя, — уточнила Рита. — У них, считается, кризис среднего возраста. А нам все можно.

Арт-директор Рита работала в «Предметном мире» всего месяц и была моложе всех: ей неделю назад исполнилось двадцать два. Весь этот месяц она поглядывала на своих коллег — и на хлопотливую, вечно одетую в вытянутые трикотажные кофты Валентину, и на нескладного Павлика, об одежде которого уж и вовсе говорить не приходилось, и на прокуренную, хриплоголосую Наташу — с легким недоумением. Видимо, не могла понять, как можно держать в современном, с высокими окладами журнале таких маргинальных, притом старомодно маргинальных личностей.

Анна понимала, что со временем ей, наверное, придется объяснить Рите, что здесь к чему и почему. А может быть, и не придется: Рита выглядела девушкой сообразительной, и не исключено было, что она сама во всем разберется.

Наташа Иванцова чмокать Анну не стала, но приобняла ее за плечи и весело шепнула на ухо:

— Не переживай, Нюра, какие наши годы!

— Я не переживаю, — улыбнулась Анна. — Павлик, зайди ко мне на кухню и принеси все остальное из холодильника.

— Что именно принести? — уточнил педантичный Павлик.

— Все, что там находится. — Его наивная педантичность большинство женщин, может быть, и раздражала, недаром же в тридцать три года Павлик не был женат, но Анну только смешила иногда. А чаще она просто не обращала на это его качество внимания, потому что давно к нему привыкла. — Рита, пойдди, пожалуйста, с ним и выбери вино. Бутылки на кухне, в подставке. Только не взбалтывай.

— Знаю, — снисходительно кивнула Рита.

— Ой, лучше я с Ритой схожу! — вскинулась Валентина Андреевна. — Он разобьет что-нибудь. Павлик, а букет?! — ахнула она. — Ну ничего тебе нельзя поручить, еще называется мужчина!

— Он не называется, — сказала Анна, — а является. А букет уже у меня на столе, и я его прекрасно вижу. Спасибо.

— Да, это вам цветы, Анна Александровна, — не обратив внимания на обидное Валентино замечание и даже, кажется, его не услышав, кивнул Павлик. — Цветы и колоски.

Букет, скорее всего, заказывала Рита. И уж точно, что не Павлик, хотя преподнести «цветы и колоски» поручили ему, как единственному мужчине. Это был настоящий летний полевой букет, тех самых пастельных тонов, которые Анна любила. Даже крошечные голубые цветочки, которые она знала под названием «мужская верность», тоже были в этом букете. Правда, в природных условиях эти цветочки облетали от одного дуновения, потому, наверное, так и назывались, а эти, внешне в точности на них похожие, держались крепко.

Во всем букете только купальница была яркой, но и ее цветы, некрупные желтые колокольчики, выглядели такими нежными, почти прозрачными, что не нарушали, а подчеркивали общую тихую гармонию. Где можно было достать в Москве ко второму ноября полевые цветы и зеленые овсяные колоски, Анна не представляла. Впрочем, теперь в Москве можно было достать все, чего душа пожелает. Лишь бы она вообще чего-нибудь желала...

Да, пожалуй, и прежде многое можно было достать. Марина Эдуардовна, соседка еще по Ломоносовскому проспекту, рассказывала, как встречали какой-то пред-